

ПОЛІТИЧНА ФІЛОСОФІЯ

Александр Юдин (Киев)

КАРЛ ПОППЕР И ЕГО КНИГА «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ВРАГИ»: ОТ СОКРАТА К МАРКСУ - ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

В послесловии к русскому изданию (1992) своей книги «Открытое общество и его враги» (1944) Карл Поппер утверждает: «Я - противник марксизма». Сама книга (как и другой, одновременно с ней опубликованный труд, «Нищета историцизма» [см.: 3; 5]) посвящена критике историцистской философии, воплощением которой является именно марксизм. Однако непредубежденное чтение, мне кажется, не оставляет сомнений в том, что Поппер отмечает гораздо больше положительных моментов у Маркса, чем отрицательных: его критика полна уважения, высокой оценки научных и человеческих заслуг Маркса, изъявлений солидарности с ним по многим вопросам.

Имя и идеи Маркса и сегодня спустя 120 лет после его смерти вызывают самые противоречивые и радикальные оценки. Крах системы социализма, который, казалось бы, должен был вынести окончательный исторический приговор марксизму и похоронить эту тему, лишь на время приглушил страсти. Согласно социологическому опросу в Германии Маркс признан самым выдающимся немцем тысячелетия. Можно списать этот результат на патриотизм, но вот согласно еще одному опросу, проведенному радиостанцией БиБиСи, самым выдающимся философом всех времен признан опять же Маркс. Последний факт настолько возмутил британского историка Саймона Сибэка, автора книги о Сталине, что побудил его написать статью под названием «Чудовище по имени Маркс» [7].

Вернемся к Попперу. Между текстом самой книги и послесловием к ней - почти пятьдесят лет. Что бы ни заставило автора ужесточить формулировку своей позиции, у нас нет оснований обвинять его в партийности и предвзятости в пользу своего героя (или антигероя). Рассмотрим в доводы противника марксизма.

Основная задача Поппера, повторюсь, - критика и разоблачение историцизма, т. е. философии, претендующей на открытие законов истории, на основании которых можно предсказывать будущее развитие человеческого общества. Поппер утверждает невозможность и вред таких якобы научных предсказаний. Во-первых, человек никогда не в состоя-

нии охватить всей суммы факторов, влияющих на ход истории, поэтому любое предсказание на основании «неумолимых законов истории» - самообман. Во-вторых, убежденность в знании таких законов ведет к самоослепению - уверенности в своем мессианстве и праве действовать от имени истории. В-третьих, историцизм аморален, так как утверждая предопределенность истории, уничтожает свободу и личную ответственность человека за своей исторический выбор: «История заканчивается сегодня. Мы можем извлечь из нее уроки, однако будущее - это вовсе не продолжение и не экстраполяция прошлого. Будущее еще не существует, и именно это обстоятельство налагает на нас огромную ответственность, так как мы можем влиять на будущее, можем приложить все силы, чтобы сделать его лучше».

Историцизм как тип философского мышления, или тенденция, возникает в Древней Греции. Его истоки, согласно Попперу, следует искать у Гераклита, а развернутый вид он принимает в поздней философии Платона. Социальные корни историцизма - в общественных катаклизмах, в социальном изменении, переходе от племенного строя к демократической форме правления в древнегреческих полисах и, соответственно, чувстве социального напряжения, крушения стабильного мира. Этот социальный опыт порождает философию всеобщей изменчивости, развития через противоречия и вражду у Гераклита, а у Платона - теорию идей как попытку противопоставить нечто неподвижное и вечное социальным изменениям и социальные утопии, нацеленные на то, чтобы задержать развитие, законсервировать состояние полиса.

Этот социальный опыт Поппер объясняет как переход от закрытого типа общества к открытому. Рост численности населения, создание колоний и, соответственно, развитие торговли (Поппер считает это главным фактором) приводит к крушению старых форм власти и принятия решений. Аристократия сменяется демократией. В мире, который держится на магическом отношении к обычаям общества, возникает «постоянно расширяющаяся область личных решений с ее проблемами и ответственностью» [6, Т. 1; с. 217]. Этот переход, как очевидно из сказанного, не является одномоментным. Более того, ни одно из современных демократических обществ Поппер не считает образцом открытости. Поэтому нелепо упрекать его в возвещении «конца истории». Открытое общество, или, лучше сказать, концепция открытого общества открыты в будущее.

Отдавая должное социологической проницательности Платона, Поппер в целом крайне резко оценивает его философию, в которой он видит искажение сократовского духа поиска истины, по сути измену Сократу. Нельзя не признать, что эти обвинения о многом справедливы. История философии (даже марксистская), ограничиваясь констатацией

реакционности и антидемократичности социальных проектов Платона, практически не упоминает о его расизме, интеллектуальной нечестности, подмене и запутывании доказательств. Но наибольший протест у Поппера вызывает перетолкование мудрости и, соответственно, смысла философии. Историзм Платона носит ограниченный характер. Он не столько предсказывал ход истории, сколько пытался его предотвратить. Его социально-утопические проекты направлены на то, чтобы задержать перемены. Важнейший историцистский момент философии Платона, который имел исключительно негативные последствия для развития философии, - претензия на познание подлинной сущности вещей, а отсюда - обладание божественной мудростью. Этот историцистский момент Поппер называет эссенциализмом.

Пагубные последствия эссенциализма многообразны. Но наиболее значительное из них - философия Гегеля, возродившего платонизм, метафизические спекуляции (несмотря на критическую философию Канта) и претензии на божественную абсолютность философского знания, точнее, своей философии. Гегельянство Поппер оценивает еще резче. Гегель для него - просто плохой писатель, запутавший всех словесной эквилибристикой, в чем Поппер совершенно солидарен с Шопенгауэром. Гегелевская философия с точки зрения Поппера - не более чем философское обоснование прусской монархии. Именно в философии Гегеля впервые возникает тема (если не формулировка) «конца истории», а пруссачество предстает как логическое завершение истории, движения человечества к свободе.

В противоположность историцистско-эссенциалистской линии в развитии философии Поппер выдвигает линию критического рационализма, или критического дуализма, или критического конвенционализма. Впрочем, он не проводит последовательную историко-философскую концепцию. Этими терминами он характеризует свою философскую позицию, однако при этом солидаризуется с философами, которых противопоставляет Платону и Гегелю. Непосредственных оппонентов Платона Поппер называет Великим поколением - философов, поэтов и политических деятелей-сторонников афинской демократии, противников не только аристократии, но и рабства, вклад которых в развитие гуманизма несоизмерим с псевдогуманизмом Платоном. Это - Перикл, Демокрит, Антисфен, Еврипид и прежде всего Сократ. Последний как апостол неутомимого поиска истины и философской скромности, т. е. сознания ограниченности человеческого знания, становится для Поппера выразителем духа науки вообще. В качестве оппонентов Гегеля Поппер предпочитает Шопенгауэра, которого называет честнейшим в интеллектуальном смысле философом своего времени, а также Кьеркегора.

Не слишком ли радикальна историко-философская позиция Поппера? Не думаю. После Ницше и Витгенштейна трудно быть слишком радикальным ниспровергателем философских авторитетов. Однако ни того, ни другого, если не ошибаюсь, не обвиняли в философском невежестве. Критика воззрений Поппера часто сводится к тому, что он «не понимает» [см., например: 1; 2]. Но Поппер и сам признается в том, что он не понимает, скажем, философию Гегеля. Может быть, дело как раз в этом простодушии, или, лучше сказать, прозрачности позиции Поппера, в его интеллектуальной честности. Поппер не прячет свое резкое неприятие за метафорами и риторикой или безличными суждениями о ложности метафизики вообще (это ни в коем случае не критика в адрес Ницше и Витгенштейна, а просто констатация разности позиций и способов выражения). Поппер защищает концепцию, где одним из ключевых понятий является понятие личной ответственности. Вполне естественно, что и от философа он требует прежде всего личной ответственности за свою позицию и резче всего именно там, где ее не находит. Историзм, как уже говорилось, аморален, ибо это философский враг личной ответственности номер один. Требование личной ответственности для Поппера - не «субъективная» добавка к «объективной» аргументации, а необходимое завершение последней в условиях отсутствия универсального критерия истины. В этом смысле Попперова критика историцизма является продолжением философской концепции роста научного знания [см.: 4, с. 325-378].

Должен отметить, что, защищая Поппера, я далеко не готов во всем признать его правоту относительно Платона и Гегеля. У него напрочь отсутствует оценка оригинальности Платона. Вспомним о том, что для всех тех, кто открывал для себя философию благодаря Платону, последний был прежде всего создателем теории идей, учения о душе, наконец, диалектики Единого, и лишь во вторую (третью, четвертую...) очередь - автором утопических проектов. Поппер адресует свою критику Платону многочисленным платонистам и платоникам, пытаясь расколдовать их очарованность Платоном (о чем говорит само название первого тома его труда), забывая о том, что их пристрастность обусловлена не симпатией к платоновской социологии и социальной инженерии. Согласно Попперу, учение Платона об идеях вытекает из его социального опыта и социальных убеждений (т. е. опыта социальных изменений и стремления их задержать), но не имеет самостоятельной ценности. По крайней мере Поппер ничего об этом не говорит. Впрочем, здесь он вполне последователен, так как для него учение об идеях - проявление эссенциализма. Нельзя не отметить еще одно упущение Поппера в его оценке Платона и Аристотеля (к последнему он относится и вовсе пренебрежительно, видя в нем лишь тяжеловесного и местами скучного систематизатора

платоновской философии). Им обоим как тоталитаристам (явному и компромиссному) и расистам он предпочитает демократов Сократа и Антисфена. Но, похоже, Поппер забывает о том, что теория идей, отделение мира идеального от материального, культура систематизации и доказательности были важнейшим моментом, основоположением теоретической деятельности как таковой и, следовательно, развития научной культуры, в конечном счете, европейской науки Нового времени, глашатаем которой выступает Поппер и без которой невозможно представить себе развитие современного мира и, следовательно, демократии (отношение к которой, впрочем, сегодня уже не столь однозначно позитивно, как во время написания Поппером своего труда).

В попперовской критике Платона, Аристотеля и, особенно, Гегеля очевидна, на мой взгляд, тенденция к редукционизму. Он не просто выводит философию обоих из социальной заинтересованности (одного - вернуться к племенному строю, второго - законсервировать прусский абсолютизм), но и сводит ее к ней целиком. Если платоновская теория идей лишь дает метод для социальной утопии Платона, то в гегелевской философии тождества Поппер не видит ничего, кроме юридического и этического позитивизма. Вопрос же о самостоятельной ценности онтологической части философии Платона и Гегеля просто не поднимается.

С Поппером можно не соглашаться, но нельзя не признать его исключительного стремления к прозрачности своей аргументации. Все свои выводы он строит, только опираясь на цитаты, никоим образом не отказываясь от ответственности за их подбор, пытаясь достичь максимальной простоты в своих умозаключениях, так что иногда кажется, что он чрезмерно упрощает предмет. Поппера нередко упрекают в приверженности к формально-логическим схемам [1; 2]. Я вижу здесь лишь последовательное стремление быть максимально понятным и, следовательно, уважение к читателю. Образцом тщательности и корректности является и его ответ на критику (см.: Дополнения к I и II томам).

После философского разгрома, ученого Поппером Платону и Гегелю, логично ожидать сокрушительной критики в адрес Маркса, главного и по сути единственного законченного историциста, так как только он подходит под все пункты определения историцизма. Более того, лишь он заслужил многочисленные обвинения за непосредственные практические последствия своей философии. Однако отношение Поппера к Марксу полно уважительности и даже признательности. Поппер начинает с длительного изложения и объяснения кардинального влияния Маркса на философию и общественные науки. Из приведенного выше пересказа интерпретаций Платона и Гегеля, а также концепции открытого общества легко видеть, что методологически Поппер зависим от Маркса, и он с готовностью это подтверждает: «Возвращение к домарксист-

ской общественной науке уже немислимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают. Это особенно верно для тех, кто не согласен с его теориями, как например я» [6, Т. 2; с. 98]. Заслуги Маркса-ученого трудно переоценить. Объектом критики становятся лишь Марксовы пророчества (впрочем, это слово может вызвать критику и вызывает, но, в конце концов, не Поппер пустил его в обиход: его слишком часто повторяли те, кто по праву или не по праву - с точки зрения других марксистов - называли и продолжают называть себя марксистами), или, иначе говоря, научное предсказание перехода к социализму через социальную революцию. Поппер скрупулезно раскладывает на умозаключения Марксовы предсказания, сделанные якобы на основании знания законов истории, доказывая, что они никоим образом не вытекают из его собственных методологических посылок и являются следствием его историчистских воззрений, т. е. влияния Гегеля. Иными словами, Поппер проделывает работу отделения полезной методологии Маркса от метафизических спекуляций. Разумеется, он делает это в слишком общем виде и слишком многие положения Марксовой теории остаются вне поля зрения. (Относительно того, что упустил и упростил Поппер, я адресую читателя к недавней монографии А. В. Бугалин «Анти-Поппер: Социальное освобождение и его друзья» [см.: 2]. Хотя должен заметить, что, несмотря на ряд справедливых критических замечаний, многое в этой книге вызывает у меня протест и прежде всего ее тон [см.: 9]. Таким образом, общественно-экономическое развития Запада не противоречит Марксовым посылкам. Марксово описание соответствует капитализму девятнадцатого столетия, или, как его называет Поппер, законодательно не ограниченному капитализму. На смену ему вместо социализма (и не без влияния международного рабочего движения, а также социальной революции в России, о чем говорит Поппер) пришел интервенционизм, т. е. государственное вмешательство в экономику с целью экономической защиты малоимущих. Для историчизма же Маркса Поппер находит моральное оправдание: «Есть множество высказываний и множество поступков Маркса, доказывающих, что вовсе не научные взгляды, а нравственный порыв, желание помочь угнетенным, стремление освободить бессовестно эксплуатируемых, несчастных рабочих склоняли его к социализму [...] Он словно спрашивал себя: кто в действительности живет согласно собственным моральным критериям, если только они не очень занижены? Именно это чувство побудило его полагаться в вопросах этики на непродуманные до конца суждения и привело к попытке обрести в лице пророческой социальной науки более надежный авторитет в вопросах морали, чем тот, которым он себя ощущал» [6, Т. 2; с. 238].

Внешне возникает коллизия между этим суждением Поппера о том, что нравственные убеждения Маркса в значительной степени объясняют принятие им историчистской доктрины и попытку исторического пророчества, и другим, согласно которому во взглядах Маркса столкнулись социальный активизм, обусловленный его нравственной позицией, и историчизм, унаследованный им от Гегеля. Однако ничто не мешает утверждению о том, что (1) моральный радикализм Маркса - причина и его (2) социального активизма, и одновременно (3) историчистского стремления взять в союзники Историю. Отделить первое и второе от третьего - в этом, на мой взгляд, суть интерпретации Поппера. И совпадение позиций Маркса и Поппера по первым двум пунктам наводит на парадоксальную мысль о том, что попперовская критика марксизма и есть его (как раньше говорили) творческое развитие, или по крайней мере попытка такого развития. Отвергая пророчества Маркса, Поппер фактически использует метод Маркса в интерпретации Платона, Гегеля и его самого, а теперь мы видим, что он также совершенно солидаризуется с его нравственной верой: «именно [...] моральный радикализм Маркса объясняет то большое влияние, которое Маркс заслуженно имеет. Это обнадеживает. Моральный радикализм все еще жив. Наша задача - сохранить его, не дать ему повторить судьбу Марксова политического радикализма. «Научный» марксизм умрет, но выражаемое им чувство социальной ответственности и его любовь к свободе должны выжить» [6, Т. 2; с. 243]. Разумеется, Поппер нигде не претендует на принадлежность к марксистам. Этим именем называли себя слишком многие, так что оно не совершенно утратило определенность, но и дискредитировало себя. Зато нередко его незаслуженно, на мой взгляд, причисляют к основоположникам неолиберализма. Однако следующее его утверждение не оставляет сомнения в том, что он причисляет Маркса к философской традиции Великого поколения: «По моему убеждению, Маркс, в сущности, исповедовал веру в открытое общество» [6, Т. 2; с. 230].

Иными словами, концепция открытого общества - это не альтернатива марксизму, а его модификация. Выделив в марксизме (1) научный метод анализа общества, (2) моральный радикализм, (3) социальный активизм и (4) историчистскую философию истории, Поппер отбрасывает лишь последнее. (Ортодоксы, разумеется, не согласятся с таким «составом» марксизма, но, думаю, у них нет эксклюзивного права на его определение.) Выскажу еще более парадоксальное суждение: на мой взгляд, книга Поппера - это не «Анти-Маркс», не осуждение Маркса, а скорее «Апология Маркса». В сущности, лишь Марксово учение соответствует понятию «историчизма». И к Платону, и к Гегелю (тем более Аристотелю) он приложимо, как я уже отмечал, с большими оговорками. Исследуя истоки историчизма в их философии, Поппер проводит многократно

критикуемый им тип исследования о «происхождении». Зачем? Как ни удивительно, в том числе для того, чтобы снять часть ответственности с Маркса: «[...] тот факт, что Маркс не только позаимствовал его [историцизм] у Гегеля, но в конечном счете позволил ему вытеснить собственный активизм, может свидетельствовать о том, что позиция, которую человек занимает с социальной борьбе, далеко не всегда определяет его интеллектуальные решения. Такие решения могут определяться, как в случае Маркса, не столько подлинными интересами класса, который он поддерживает, сколько *случайными факторами*, такими, как влияние предшественника или, быть может, близорукость» [6, Т. 2; с. 243; курсив мой. - А. Ю.]. Возводя Марксов историцизм к Платону и пытаясь отделить Маркса-историциста от Маркса-философа, Поппер неявно связывает последнего с лидером Великого поколения Сократом, первым философским защитником открытого общества. (Интересно, что Поппер не соглашается считать марксизм материализмом и изобретает для него особый термин «практический дуализм», частично совпадающий с названием защищаемой им философской позиции. Многочисленные высказывания Поппера указывают на то, что он согласен с Марксом в понимании практического назначения философии и критерия практики для философии.)

Называя свою философскую позицию критическим рационализмом, Поппер не отрицает ее иррациональных истоков в том смысле, что она основывается на моральном выборе и личной ответственности, свободу которых он отстаивает своей критикой историцизма.

В заключение следует сказать, что концепцию историцизма рано списывать по ведомству истории философии. Историцизм возвращается к жизни совершенно в неожиданном для Поппера месте - в странах развитой демократии. Современные концепции постиндустриализма, в особенности, футурологического плана - успешно возрождают жанр научных предсказаний, которые, однако, нередко имеют совершенно противоположную направленность [см.: 8]. Если Марксово учение о социализме представляло интересы эксплуатируемых и побуждало к социальной активности, то новейшие историцистские концепции рисуют картины светлого будущего, которые просто вытекают из имеющихся тенденций, т. е., попросту говоря, осуществляются сами собой, без нашего участия. (Наиболее показательный пример - концепция «Третьей волны» О. Тоффлера. Сама метафора цивилизационных «волн» наводит на мысль об их самопроизвольной смене и несет в себе элементы метафизики.) Объективно говоря, такой подход работает на интересы дерегулирования рынка и, следовательно, транснационального капитала. Впрочем, Поппер никогда не утверждал, что открытое общество наступило бесспорно и ему ничего не грозит. Социальной революции как спо-

собу обновления мира Поппер противопоставил свою концепцию поэтапной социальной инженерии, непрерывного кропотливого труда по усовершенствованию существующих общественных институтов на свой собственный страх и риск: «Мы должны учиться выполнять свою работу, приносить жертвы во имя этой работы, а не во имя похвалы или во избежания порицания [...] Мы должны искать себе оправдание в нашей работе - в том, что мы делаем сами, а не в фиктивном “смысле истории”» [6, Т. 2; с. 320). Разумеется, любой марксист упрекнет Поппера в том, что «мы» слишком неопределенно и никого ни к чему не обязывает, что необходим анализ расстановки сил и групп интересов. Поппер, как ученый, предпочел сохранить внепартийную позицию и оставить читателю свободный выбор. Это последовательная позиция антиисторициста и его моральный выбор. Выбор безусловно морального человека, о чем свидетельствует его книга, которой можно ставить в упрек отсутствие глубины, даже философское невежество (по-моему, несправедливо), но которую, думаю, нельзя не признать образцом интеллектуальной честности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Богомолова. С.** *Английская буржуазная философия XX века.* - М., 1973.
2. **Бугалин А. В.** *Анти-Поппер: Социальное освобождение и его друзья.* - М., 2003.
3. **Овчинников Н. Ф.** *Карл Поппер - наш современник, философ XX века // Вопросы философии, 1992, № 8.*
4. **Поппер К.** *Логика и рост научного знания.* - М., 1983.
5. **Поппер К.** *Нищета историцизма // Вопросы философии, 1992, № 8-10.*
6. **Поппер К.** *Открытое общество и его враги.* - М., Т. 1-2, 1992.
7. **Сибэк С.** *Чудовище по имени Маркс // Корреспондент, № 28 (167), 23 июня 2005.*
8. **Франкел Б.** *Постіндустріальні утопісти.* - К., 2005.
9. **Юдин А.** *В защиту Поппера, или Критика по-марксистски // Sententiae XII, 2005, № 1.*